

ШАРЛЬ БОДЛЕР

ПАРИЖСКИЙ
СПЛИН

«Парижский сплин» — произведение поэта и критика, классика французской и мировой литературы Ш. Бодлера (1821–1867).

Это сборник стихотворений в прозе — классический образец такого жанра. Париж Бодлера — таинственный и сумрачный, полуреальный и полумистический. Он весь — в видениях сна или наркотического бреда. Ибо в этом глубоко социальном произведении поэт описывает нищету, болезни, убогость и страдания людей, вынужденных существовать «на дне» большого города. Также автор рассказывает о чувствах парижан, которым выпало жить в «эпоху упадка».

Шарль Пьер Бодлер ПАРИЖСКИЙ СПЛИН (Отрывки)

Странник

- Кого ты больше всех любишь, загадочный человек? Скажи: отца, мать, сестру, брата?
- У меня нет ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата.
- Друзей?
- Вы употребляете слово, смысл которого мне до сих пор непонятен.
- Родину?
- Я не знаю, под какой широтой она находится.
- Красоту?
- Я полюбил бы ее охотно — в божественном и бессмертном образе.
- Золото?
- Я его ненавижу, как вы ненавидите Бога.
- Гм, что же ты любишь, необычайный странник?
- Я люблю облака... летучие облака... вон они... Чудесные облака!

Отчаяние старухи

Маленькая, сморщенная старушка вся озарилась радостью при виде прелестного ребенка, которому все радовались, которому все хотели нравиться; это было прелестное существо, такое же хрупкое, как старушка, и точно как она — беззубое, безволосое.

И она подошла, желая поулыбаться ему приятной улыбкой.

Но ребенок заметался от ужаса под поцелуями доброй, но дряхлой женщины и наполнил весь дом пронзительным криком.

Тогда добрая старушка удалилась в вечное свое одиночество и плакала в уголке, говоря себе: «Ах, для нас, старых баб, прошло время нравиться даже невинным существам; мы приводим в ужас младенцев, которых хотим любить!».

Собака и духи

— Славный пес, добрый пес, милый песик мой, подойди и понюхай прекрасные духи, купленные у лучшего парфюмера в городе.

И собака, виляя хвостом, что, полагаю, у этих бедных созданий соответствует смеху или улыбке, подходит и с любопытством подносит свой мокрый нос к открытому флакону, потом, вдруг в ужасе отскочив, она лает на меня, точно упрекая.

— Ах, несчастный пес, если бы я дал тебе пакет экскрементов, ты бы нюхал его с наслаждением и, может быть, съел бы. Итак — и ты, недостойный спутник печальной жизни моей, похож на толпу, которой нельзя никогда подносить тонкие духи: они ее злят, ей нужны тщательно выбранные отбросы.

Дурной стекольщик

Бывают натуры вполне созерцательные и совсем не способные к действию; однако, под влиянием чего-то таинственного и неведомого, они порой действуют с такой стремительностью, на которую сами себя не считают способными. Человек, который, боясь найти у консьержа неприятное письмо, целый час подлым образом топчется перед собственной дверью, не смея выйти; или человек, который две недели бережет письмо нераспечатанным или только через шесть месяцев решается на поступок, который нужно было сделать год тому назад, — такие люди иногда чувствуют, что какая-то неодолимая сила стремительно толкает их к действию, как стрелу из лука. Моралист и врач, притязающие на всеведение, не могут объяснить, откуда столь внезапно находит на эти ленивые и разнеженные души такая безумная воля к действию, и почему, неспособные на самые простые и необходимые вещи, такие души в известную минуту обретают избыток мужества для самых нелепых, а часто и самых опасных поступков.

Один мой приятель, самый безобидный мечтатель на свете, однажды поджег лес, чтобы посмотреть, по его словам, правда ли огонь распространяется так быстро, как это утверждают. Десять раз подряд опыт не удавался; но на одиннадцатый он удался даже слишком.

Другой способен закурить сигарету, стоя возле бочки с порохом — *чтобы увидеть, чтобы узнать, чтобы испытать судьбу*, чтобы заставить себя проявить энергию, чтобы рискнуть, чтобы познать прелесть страха или без всякой цели, по прихоти, от безделья.

Это — род энергии, внезапно бьющей ключом из скуки и вечной задумчивости; и те, в ком он проявляется так повелительно, в общем, бывают, как я сказал, самыми бездеятельными и мечтательными существами на свете.

Человек до того робкий, что опускает глаза даже перед взглядами людей; человек, которому приходится собирать всю свою бедную волю, чтобы войти в кафе или подойти к театральному бюро, в котором сидящие контролеры кажутся ему облеченными величием Миноса, Эака и Радаманта, — такой человек вдруг бросится на шею проходящего старика и станет пламенно целовать его перед изумленной толпой.

Почему? Потому что... потому что это лицо ему показалось неодолимо привлекательным? Может быть, но вполне законно предположить, что он и сам не знает почему.

Я не раз бывал жертвою припадков и порывов, заставляющих верить, что в крови у нас бегают проказливые демоны, заставляя бессознательно выполнять их нелепые прихоти.

Однажды утром проснулся я хмурый, унылый, усталый от праздности и с желанием, как мне казалось, совершить что-нибудь великое, какой-нибудь блистательный подвиг; на свою беду, я открыл окно!

(Заметьте, пожалуйста, что мистификаторский дар, который у некоторых проявляется не как следствие труда или расчета, но по внезапному вдохновению, очень похож, хотя бы своей горячностью, на то, по мнению врачей, — истерическое, по мнению мыслящих несколько лучше, чем врачи, — сатанинское состояние, которое неодолимо толкает на множество опасных или недостойных поступков).

Первый, кого я увидел на улице, был стекольщик, резкий, неприятный крик которого донесся до меня сквозь тяжелый и грязный парижский воздух. Я, впрочем, не мог бы, сказать, отчего по отношению к этому бедному человеку я был охвачен такой внезапной и сильной ненавистью.

— Эй, эй! — И я закричал, чтобы он поднялся ко мне. Однако я не без радости думал, что, так как моя комната в шестом этаже, а лестница очень узка, — человеку не без труда удастся совершить это восхождение, и во многих местах он будет задевать стену углами своего хрупкого товара.

Наконец он явился; я тщательно пересмотрел все его стекла и сказал: «Как, у вас нет цветных стекол, розовых, красных, голубых — магических стекол, которые все превращают в рай? Как вам не стыдно! Вы смеете ходить по бедным кварталам, а у вас даже нет стекол, сквозь которые видится красота жизни!» И я вытолкал его на лестницу, по которой он ворча загромыхал вниз.

Я вышел на балкон, взял цветочный горшок, и, лишь только человек показался в дверях, я уронил свой снаряд прямо ему на спину; от толчка он упал и собственным задом придавил все свое бродячее богатство, издавшее оглушительный звон, точно хрустальный дворец под ударом молнии.

И, охмелев от веселья, я кричал ему бешено: «Красота жизни! Красота жизни!».

Эти нервные шутки небезопасны, и порой за них можно дорого поплатиться. Но что значат вечные попытки тому, кто в едином миге обрел бесконечное наслаждение?

В час ночи

Кончено! Я один! Ничего больше не слышно, кроме редких извозчичьих пролетов, запоздалых и загнанных. На несколько часов дается мне если не отдых, то хоть тишина. Кончено! Неотвязные человеческие лица исчезли, и я буду страдать только от себя самого.

Кончено! Мне позволено погрузиться в сумрак! Прежде всего — два поворота ключа. Мне сдается, будто от этого увеличится мое одиночество и станут прочней баррикады, теперь отделяющие меня от мира.

Страшная жизнь! Страшный город! Подведем итог дню: видел нескольких писателей, из которых один спросил меня, можно ли проехать в Россию сухим путем (он считал, очевидно, Россию островом); долго и усердно спорил с редактором одного журнала, который на каждое возражение отвечал: «Мы здесь люди честные»; подразумевается, что всеми другими журналами руководят жулики; поздоровался с двумя десятками людей, из которых пятнадцати я не знаю; пожал такое же количество рук, не запасшись перчатками; во время дождя, чтобы убить время, зашел к актриске, которая попросила нарисовать для нее костюм Венеры; поухаживал за директором театра, который на прощанье сказал: «Вы, пожалуй, хорошо сделаете, если обратитесь к Z; это самый тяжеловесный, самый грубый и самый знаменитый из авторов, которых я ставлю; при его помощи вы могли бы чего-нибудь добиться. Повидайте его, а там посмотрим»; похвастался (зачем?) несколькими жалкими подвигами, которых никогда не совершал, и подло отрекся от нескольких гадостей, которые совершил с удовольствием; отказал в легкой услуге другу и дал рекомендательное письмо совершенному олуху; фу, все ли это?

Недовольный всеми и недовольный собой хотел бы я в тишине и в ночном одиночестве отделаться от всего и вновь обрести немного уважения к себе. Души тех, кого я любил, души тех, кого я воспел, укрепите